

Персеваль Люк
(реп.)

06.10.05

Черно-белый Отелло

Спектакль Люка Персевала на «Балтийском доме»

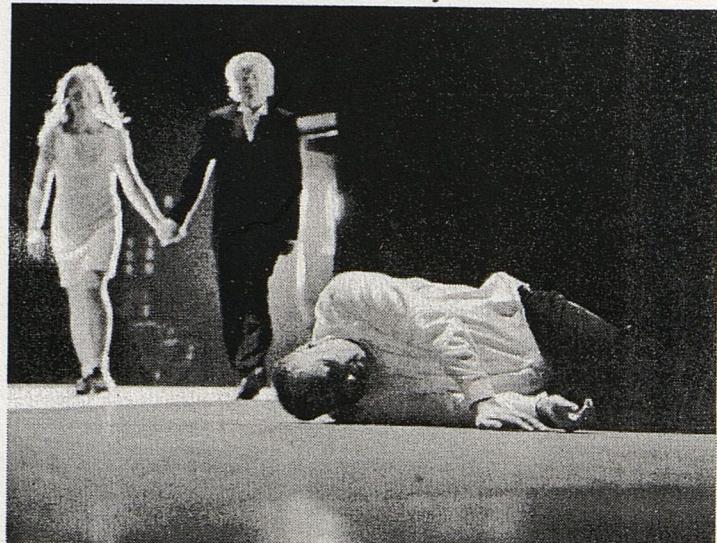
Комиссия 73 - 2005-6047 - с. 21.

фестиваль театр

Театральный фестиваль «Балтийский дом» успел первым привезти в Россию спектакль работающего в Германии знаменитого голландца Люка Персевала. В Петербурге «Отелло» театра Münchner Kammerspiele вызывал полярные оценки публики и критики, но благодаря этому спектаклю едва начавшийся фестиваль уже состоялся, считает ЕЛЕНА ГЕРУСОВА.

Шекспировский текст для спектакля Люка Персевала обработали Феридун Займоглу и Гюнтер Зенкель. В экспрессивной, грубой, сленговой, иногда нецензурной лексике. Я слушала спектакль без перевода — и не потому что история известная. Просто театральный текст «Отелло» оказался кристально чистым и предельно выразительным, то есть таким, который перевода, в сущности, не требует. Отсутствовали некоторые персонажи побочных линий — к примеру, о Бьянке никто и не вспоминал. И изъяснялись они грубо и откровенно, вроде бы без скрытых мотивов. Яго прямо обещал Родриго привести к нему в постель Дездемону. Родриго уверял Отелло, что спит с Дездемоной. Яго пел куплеты: «Вот бордель на горизонте, хрен матроса на ремонте!» — и, если верить тексту, был так злонамерен оттого, что Эмилия давала всем, кроме него. А Кассио объявили голубым. В общем, дорвавшиеся до вербального текста помниали «Новую драму». Но кто бы стал спорить, что площадная речь всегда была самой экспрессивной.

В «Отелло» Люк Персеваль предъявляет театр резкий, отчетливый, поэтический. Центр огромной, оформленной абстрактными темными плоскостями и световыми объемами сцены занимают два рояля, черный и белый. Белый — вверх копытами, черный — на нем. Конструкция странная, тревожная, нелепая, красивая и неустойчивая. Чер-

В «Отелло» Люка Персевала даже смерть Яго не позволит спастись Отелло и Дездемоне ФОТО «Ъ»

ный рояль рабочий, на нем играет и в finale поет вдруг проревавшимся голосом щемящие и раздирающие душу зонги подобравший музыку к спектаклю пианист Йенс Томас, главный лирический герой «Отелло». Классическая речь рояля звучит в спектакле, заполненном драматическими паузами и молчанием героев не менее, чем резким текстом, постоянно. И когда солдаты облизывают друг друга грязью и разбираются, кто кого трахнул, рояль говорит совсем о другом. О том же, о чем говорят не слова и даже не интонации, а мучительная кардиограмма не чувств даже — эмоций. Рояль вторит силуэтам героев, расходящимся по сцене. «Отелло» Люка Персевала графичен и экспрессивен, каким может быть только линия, прочерченная на бумаге. Это черно-белый спектакль — не просто от того, что герои одеты в черные костюмы, иногда в белую рубашку. Он лишен пестроты смыслов. Это лаконичное и четкое высказывание о непреодолимом и неминуемом одиночестве.

Такой «Отелло» был бы невозможен без сильных актеров — Томаса Тиме (Отелло), Вольфганга Преглера (Яго) и Бернда Граверта

(Родриго). В начале спектакля в контровом свете все они даже кажутся черными, маврами, могильщиками, явившимися на похороны спящей между роялями в световом луче беленькой Дездемоны. На самом деле в спектакле лишь одна чернокожая актриса — точенная, как статуэтка эбенового дерева, Шери Хаген (Эмилия). Отелло лет на тридцать старше Дездемоны (Юлия Йенч), от этого история кажется еще печальнее и безнадежнее. Впрочем, о том, что какое-то подобие счастья возможно, спектакль не дает думать ни минуты. С первой же мизансцены, с первых звуков музыки щемящее ясно, что счастья нет и быть не может, все обречены.

В finale Отелло решительно, но как-то безучастно душит Дездемону и по-русски уже бесконечно повторят: «Конец, конец, конец». Конец времени, когда можно быть с другим и чувствовать. Такой «Отелло» — не о ревности и не о коварстве зла, он о беспомощности и страданиях несовершенной души. Но в этом сиротстве каждого и общей холодности мира есть своя тревожная мрачная сила и красота, Люку Персевалю удалось ее материализовать.